

«Всё, чего они касаются, плавится»:
художник Штраух Т. Бернхарда
и иезуит Нафта Т. Манна

Дмитрий А. Беляков

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, d.belyakov@linguanet.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу образов художника Штрауха, героя романа Т. Бернхарда «Стужа», и иезуита Нафты, героя «Волшебной горы» Т. Манна. Такой исследовательский ракурс обусловлен тем обстоятельством, что к этим фигурам восходят многие характерные для творчества австрийского и немецкого классиков лейтмотивы, такие как: кризис субъекта и поиск Самости, амбивалентное бытие художника, тема отказа от карьеры, тема болезни и смерти. Сравнительный анализ образов Штрауха и Нафты позволяет пролить дополнительный свет на специфику рецепции Т. Бернхардом творчества Т. Манна, а также расширить представление о художественном своеобразии востребованного романом XX в. героя-«антивоспитателя». В то время, как различия между художником и иезуитом имеют преимущественно формальный характер, их сходства обнаруживают концептуальную системную основу. Штрауха и Нафту роднит Ungrund (безосновность): оба охотно апеллируют к «дологическому», оба склонны к интроверсии, мизантропии и нигилизму. Подчеркивается, что переживаемый Штраухом и Нафтой внутренний конфликт позволяет им гораздо тоньше ощущать драматизм «духовной ситуации времени». Не отрицая саморазрушительной интеллектуально-идеологической ориентации Штрауха и Нафты, автор статьи приходит к выводу о необходимости акцентирования конструктивного в познавательном отношении потенциала их проблематизирующей «педагогики».

Ключевые слова: Томас Бернхард, Томас Манн, Стужа, «Волшебная гора», Штраух, Нафта

Для цитирования: Беляков Д.А. «Всё, чего они касаются, плавится»: художник Штраух Т. Бернхарда и иезуит Нафта Т. Манна // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 8. С. 112–121. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-112-121

“Was sie anrühren, schmilzt”.
Thomas Bernhard’s painter Strauch
and Thomas Mann’s Jesuit Naphta

Dmitry A. Belyakov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
d.belyakov@linguanet.ru*

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of the images of the painter Strauch, the character in the novel by Th. Bernhard “Frost”, and the Jesuit Naphta, the character of Th. Mann’s “The Magic Mountain”. Such a research perspective is due to the fact that in the work of the Austrian and German classics many characteristic leitmotifs like the crisis of the subject and the search for the Self, the ambivalent being of the artist, the theme of rejection of a career, the theme of illness and death, all go back to those figures. A comparative analysis of the images of Strauch and Naphta allows shedding additional light on the specificity of Th. Bernhard’s reception of Th. Mann’s work, as well as expanding the idea of the artistic originality of the character-“anti-educator” requested by the novel of the 20th century. While the differences between an artist and Jesuit are predominantly formal, their similarities reveal a conceptual systemic basis. Strauch and Naphta are related by Ungrund (groundlessness): both willingly appeal to the “prelogical”, both are prone to introversion, misanthropy and nihilism. It is emphasized that the internal conflict experienced by Strauch and Naphta allows them to feel much more subtly the drama of the “spiritual situation of time”. Without denying the self-destructive intellectual and ideological orientation of Strauch and Naphta, the author of the article comes to the conclusion that it is necessary to underline the cognitively constructive potential of their problematizing “pedagogy”.

Keywords: Thomas Bernhard, Thomas Mann, Frost, “Magic Mountain”, Strauch, Naphta

For citation: *Belyakov, D.A. (2021), “ ‘Was sie anrühren, schmilzt’ . Thomas Bernhard’s painter Strauch and Thomas Mann’s Jesuit Naphta”, RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 8, pp. 112–121, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-112-121*

Как известно, отношение Томаса Бернхарда к Томасу Манну было достаточно критическим. Устами Франца-Йозефа Мурау, героя романа «Изничтожение: Распад» (1986), он охарактеризовал его как создателя «сугубо мелкобуржуазной литературы, задуманной и написанной исключительно для обывателя»¹.

¹ *Bernhard Th. Auslöschung: Ein Zerfall. Frankfurt a/M.: Fischer, 2009. S. 475.*

Тем не менее очевидна известная степень созвучности художественного мира Бернхарда поэтике Манна. Для творчества обоих авторов характерны восприимчивость к литературным традициям прошлого, обращение к жанру романа о художнике, разработка проблемы кризиса субъекта и поиска Самости, тема отказа от карьеры, тема болезни и смерти.

Большинство перечисленных лейтмотивов возникает уже в «Стуже» (“Frost”, 1963) – дебютном романе Бернхарда, этого «позднего сына модернизма» [Котелевская 2018, с. 5]. Они же во многом конституируют художественный мир «Волшебной горы» (“Der Zauberberg”, 1924) Т. Манна, одного из ключевых философских модернистских романов, являющего собой в то же время важнейшую веху художественной и мировоззренческой эволюции писателя, в известном смысле формирующего парадигму его совокупного творчества [Kurzke 2010, S. 188].

В российской и зарубежной науке о литературе имеется опыт сопоставления поэтики «Стужи» и «Волшебной горы» [Watroba 2021; Котелевская 2018, с. 104–192; Koller 1973]. В настоящей работе мы сфокусируем внимание на сравнительном анализе образов художника Штрауха, героя романа Бернхарда, и манновского иезуита Нафты, к которым, по нашему убеждению, в первую очередь и восходят вышеупомянутые тематические комплексы. Такая попытка в отечественном литературоведении предпринимается впервые, что обуславливает научную новизну исследования.

Сравнительный анализ образов Штрауха и Нафты позволит пролить дополнительный свет на специфику рецепции Т. Бернхардом творчества Т. Манна, а также расширить представление о когнитивном и эстетическом потенциале востребованного романом XX в. героя-«антивоспитателя» [Mayer 1974].

Различия между художником Штраухом и иезуитом Нафтой имеют преимущественно формальный характер. К их числу можно отнести происхождение, образование, «профессию». Сходства Штрауха и Нафты обнаруживают концептуальную системную основу. На них мы остановимся подробнее.

Оба героя небольшого роста, оба имеют отталкивающий внешний вид, оба тяжело больны. Характерны первые впечатления практиканта от облика Штрауха: «Он опирался на палку, которой тотчас же сам себя подгонял, вызывая ассоциации с перегоном скота, но при этом был и погонщиком, и палкой, и убойной скотиной одновременно»². Вспомним «отточенно-острую» внешность Наф-

²Бернхард Т. Стужа. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 19.

ты, среди прочего отсылающую к остроте ножа его отца, шохета – ритуального забойщика скота.

Фамилию иезуита справедливо отнести к числу говорящих. С одной стороны, ветхозаветное “Naphthali” в переводе с иврита означает «бороться, спорить». С другой стороны, Нафта (или лигроин) – продукт переработки нефти, едкая жидкость, применяемая как растворитель в лакокрасочной промышленности. Действительно, Нафта при первом же контакте с Касторпом вносит существенный вклад в алхимический процесс растворения бюргерской оболочки героя. Стоит обратить внимание на созвучный с фамилией героя Бернхарда немецкий глагол *straucheln* («оступаться», «сбиваться с пути»), семантика которого работает в этом же направлении.

Героев Бернхарда и Манна роднит *Ungrund* (бесосновность), именуемая на языке «Стужи» «подорванностью всех основ», «обязательством, налагаемым глубиной собственной бездны»³. Обоих изнутри разрывают противоречия. Оба охотно апеллируют к «чудесному», «дологическому». Оба склонны к интроверсии, мизантропии и нигилизму. Вспоминая свои уничтоженные картины, Штраух говорит, что все они были лишь подступом к чему-то, в сущности – ничем. Нафта объявляет нигилизм подлинным реализмом, ведь «отношение любой величины к бесконечности равно нулю»⁴.

Идеалы светского гуманизма и демократии, осмысляемые в качестве «обывательской формы защиты от психотического ужаса перед Ничто» [Бондарев 2014, с. 33], вызывают у них презрение. Единственно возможным шансом вырваться из порочного круга цивилизации представляются радикальный скепсис и моральный хаос. «Витальный» пафос этой «нравственно неупорядоченной вселенной» вовсе не исключает страданий, ибо они – необходимый человеку источник глубоких переживаний, как и подлинная религиозность, предстающая в этой конструкции противоположностью здоровья и благополучия – атрибутов «архифилистерства и сверхбуржуазности».

Штраух заявляет о «смехотворности всех богоучений». Наиболее показателен в этом отношении прочитанный им «анти-Отче наш», завершающийся призывом: «И введи нас во искушение и не избави нас от лукавого». «Так ведь тоже можно»⁵ – таков «программный» вывод явленного в этой «антимолитве» имморализма

³Там же. С. 224, 164.

⁴*Манн Т.* Волшебная гора (главы шестая-седьмая) // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 4. С. 495.

⁵*Бернхард Т.* Указ. соч. С. 307.

художника. В то же время его любимая книга – «Мысли» Паскаля, в которой, среди прочего, содержится и такое двусмысленное размышление: «Смеяться над философией – значит истинно философствовать»⁶.

Штраух и Нафта обитают на герметичной «горе», в то время как медик-практикант и Ганс Касторп прибывают к ним с деятельной «равнины». Интеллектуально-демоническое начало в художнике и иезуите предстает особенно явным на фоне наивно-позитивистской ориентации их «подопечных». Оба «пациента» стремительно проблематизируют сознание своих собеседников, вовлекая их в иррациональную стихию патологического.

Особое место в романах Бернхарда и Манна занимает амбивалентная зимняя альпийская природа. С одной стороны, она настраивает на идиллический лад, с другой – таит в себе угрозу. Именно на фоне этой природы герои регулярно совершают пешие прогулки. Снег претворяется в важный символ размывания границ, расширения пространственных, этических, эстетических и познавательных горизонтов. Исследуя катарсическую функцию метели в литературе, А.П. Бондарев приходит к многозначительному выводу: «Воплощенная в снежинках гармония парадоксальным образом опровергается деструктивной функцией метели, чреватой новой гармонизацией, но не на прежнем, доконфликтном, а на новом, более сложно организованном уровне» [Бондарев 2008, с. 156].

Темы бесед героев «Стужи» и «Волшебной горы» также схожи: речь идет преимущественно о политике, природе, искусстве и, конечно, о человеке. При этом и медик-практикант, и Касторп пребывают в основном в позиции слушающего. Они подспудно устремлены не столько к мгновенному вербальному отклику, сколько к неторопливому обдумыванию услышанного (у манновского Ганса именно этот процесс именовался «правлением»).

Заметим, что это не единственные типологические сходства романов Бернхарда и Манна по линии «медик-практикант – Ганс Касторп». Обоим молодым людям по 23 года, оба – в статусе практиканта (герой Манна вот-вот должен приступить к работе), обоим свойственна неуверенность в выборе профессии. Оба берут в поездку профессиональную литературу, но занимают свободное время иными текстами. Применительно к обоим молодым людям допустимы дискуссии о видимом отсутствии прямых последствий визита «наверх». Наконец, ключевой сюжетобразующий момент: инерционный рационализм обоих «равнинных визитеров» – «ме-

⁶*Pascal B. Oeuvres complètes. P.: Éd. du Seuil, 1963. P. 576.*

дика» и «инженера» – становится желаемой добычей виртуозно искушающего «ментора»-собеседника.

Фигура такого «ментора» не только организует художественного целое того или иного романа, но и обнаруживает биографический подтекст. Психологическую природу консерватизма немецкого классика остроумно подметил историк И. Фест: «В общественно-политических заявлениях, обращаясь к публике непосредственно, Томас Манн выступал как единомышленник... Сеттембрини, а в глубине души... питал смутную симпатию к Нафте» [Fest 1981, S. 88]. В схожем ключе рассуждает о творчестве автора «Стужи» авторитетный критик П. Яндль: Бернхард это всегда Штраух, а его публика – практикант⁷.

“Was sie anrühren, schmilzt” («Всё, чего они касаются, плавится»)⁸ – эта емкая бернхардовская формула, вложенная в уста рассказчика, применима к обоим исследуемым героям и представляется своего рода конструктивным принципом их образов. Она подчеркивает актуальность открытий «глубинной психологии» начала XX в. для литературы модернизма, отсылая к текучести, динамике психической жизни индивида, к глубинным пластам его психики, к личному и коллективному бессознательному («Оно» З. Фрейда, «Тень» К.Г. Юнга), без адекватной проработки которых невозможен путь к Самости. Проработка не означает вытеснение, напротив – подразумевает интеграцию архетипического содержания, олицетворяемого Нафтой и Штраухом, в более дифференцированную по отношению к нему душевную жизнь собеседника.

По мере развития сюжета «Стужи» жанр дистанцированного врачебного дневника-отчета стремительно проблематизируется и деконструируется. Адекватное «внетелесное» (“*ausserfleischliche*”) познание художника требует от практиканта радикального пересмотра мировоззренческих позиций. В.В. Котелевская прочитывает эту ситуацию как свидетельство «катастрофической несостоятельности позитивистской модели наблюдения за гением» [Котелевская 2018, с. 205]. Возникает характерный для литературы модернизма разрыв между рациональной гносеологической моделью «наблюдателя» (студента-практиканта и Касторпа) и дионисийским хаосом «наблюдаемого» (Штрауха и Нафты). Установка на беспристрастную объективацию постепенно сменяется у медика-

⁷Jandl P. Fast wäre Thomas Bernhard nach Afrika gegangen [Электронный ресурс], available at: <https://www.nzz.ch/feuilleton/frueher-waren-die-sommer-schoener-und-kuehler-ld.1392894?reduced=true> (дата обращения 09.06.2021).

⁸Bernhard T. Frost. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1972. S. 163.

практиканта вчувствованием (*Einfühlung*). До субъектно-субъектных отношений с Нафтой с течением времени дорастает и Ганс Касторп. Причем по мере этого процесса традиция романа воспитания также исчерпывает свои объективирующие возможности.

В «интеллектуальном», «диалогическом» романе Т. Манна, этого «человека равновесия»⁹, присущее Нафте радикальное мировоззрение «консервативной революции» непрерывно сталкивалось и взаимодействовало с наивно-просветительским, воплощаемым итальянцем Сеттембрини. Для художественных задач Бернхарда подобная полифония оказывается излишней, ведь «в художественной аксиологии этого писателя лишь экзистенциальная катастрофа обладает абсолютной достоверностью» [Котелевская 2014, с. 195]. В этой логике совершенно оправданно то обстоятельство, что письма практиканта хирургу, брату Штрауха, остаются без ответа.

Незавершенность образа внезапно пропавшего в стуже Штрауха оказывается созвучной незавершенному образу неожиданно покончившего с собой Нафты. Их финал представляется трагической экстериоризацией их парадоксальных полемических аргументов.

Как известно, и Манн, и Бернхард питали особый интерес к творчеству Ф.М. Достоевского. В свете нашего исследования представляется необходимым обратить внимание на идеологические построения героя «Бесов» Кириллова. «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя»¹⁰ – таков главный постулат теории, эксплицирующей природу его самоубийства. Т. Манн, подчеркнем, характеризует этого персонажа не только как «исступленного нигилиста», но и как «провидца»¹¹. В работе «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» классик экзистенциализма А. Камю называет самоубийство Кириллова «педагогическим»¹². Таковыми предстают и проблемные финалы Нафты и Штрауха. Вето на их монологическую интерпретацию накладывает характерная для Т. Манна оговорка, под которой, очевидно, подписался бы и Бернхард: «Никто не вправе считать меня настолько низким... чтобы “счастье” для меня было аргументом, а гибель – опровержением»¹³.

⁹ Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. С. 63.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Бесы. М.: ЛитРес, 2008. С. 66.

¹¹ Манн Т. Достоевский – но в меру // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 10. С. 332–340.

¹² Камю А. Мир о Сизифе: Эссе об абсурде // Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 83.

¹³ Манн Т. Размышления аполитичного. М.: АСТ, 2015. С. 89.

Подведем итоги. Не отрицая очевидной саморазрушительной интеллектуально-идеологической ориентации Штрауха и Нафты, мы считаем необходимым акцентировать конструктивный в познавательном отношении потенциал их проблематизирующей «педагогики патологического». Во-первых, она оправдана культурно-исторически, поскольку эпоха модерна охотно «узнавала себя в образах болезни» [Жеребин 2011, с. 414]. Во-вторых, она обнаруживает творчески продуктивную диалектическую природу, ведь «патологическое, пожалуй, ясней всего поучает норме»¹⁴.

Переживаемый героями Бернхарда и Манна внутренний конфликт, несомненно, позволяет им гораздо тоньше ощущать драматизм «духовной ситуации времени» (К. Ясперс), прочерчивать контуры перехода от систематического единства преднаходимых объектов к спонтанным соотносностям непрерывно искомых экзистенциальных субъектов. Тем ценнее перспектива ответственного взаимодействия с ними – и Нафта, и Штраух интуитивно избирают «апофатический путь познания», позволяющий «отказаться от всякого окончательного, затвердевшего и потому мертвого знания» [Котелевская 2014, с. 191].

Понятое таким образом «плавление» (“Schmelzen”) воспринимается родственным тому процессу, который в «Волшебной горе» – в традиции гётевского «восхождения» (“Steigerung”) – именуется «герметически-педагогической переработкой своих внутренних сил», немислимой без преодоления полярностей, кризисов и пережидений.

Литература

- Бондарев 2008 – *Бондарев А.П.* Катарсическая функция метели в русской и западно-европейской литературе XIX–XX вв. // Вестник Лит. ин-та им. А.М. Горького. 2008. № 1. С. 155–165
- Бондарев 2014 – *Бондарев А.П.* К истории гуманизма: взгляд из XXI века // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. 2014. № 11 (697). С. 21–36.
- Жеребин 2011 – *Жеребин А.И.* Вертикальная линия: Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2011. 536 с.
- Котелевская 2014 – *Котелевская В.В.* «Негативная диалектика» искусства в романах Томаса Бернхарда // XLII Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избр. тр. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. С. 188–197.

¹⁴ *Мани Т.* Лотта в Веймаре // Мани Т. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 636–637.

- Котелевская 2018 – *Котелевская В.В.* Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. 352 с.
- Fest 1981 – *Fest J.* Betrachtung über einen Unpolitischen: Thomas Mann und die Politik // *Merkur*. 1981. No. 8 (399). S. 83–90.
- Koller 1973 – *Koller E.* Beobachtungen eines Zauberberg-Lesers zu Thomas Bernhards Roman Frost // *Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik*. 1973. Bd. 2. S. 107–136.
- Kurzke 2010 – *Kurzke H.* Thomas Mann. Epoche – Werk – Wirkung. München: C.H. Beck Verlag, 2010. 349 S.
- Mayer 1974 – *Mayer G.* Zum deutschen Antibilungsroman // *Jahrbuch der Raabe-Gesellschaft*. 1974. No. 15. S. 41–64.
- Watroba 2021 – *Watroba K.* Reluctant Readers on Mann's Magic Mountain (Ida Herz Lecture 2020) // *Publications of the English Goethe Society*. 2021. Vol. 90. No. 2. P. 146–162.

References

- Bondarev, A.P. (2008), “The cathartic function of a blizzard in Russian and Western European literature of the 19th – 20th centuries”, *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*, no. 1, pp. 155–165.
- Bondarev, A.P. (2014), “Towards the history of humanism. A view from the 21st century”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, vol. 697, no. 11, pp. 21–36.
- Fest, J. (1981), “Betrachtung über einen Unpolitischen: Thomas Mann und die Politik”, *Merkur*, Bd. 399, no. 8, SS. 83–90.
- Koller, E. (1973), “Beobachtungen eines Zauberberg-Lesers zu Thomas Bernhards Roman Frost”, *Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik*, Bd. 2, SS. 107–136.
- Kotelevskaya, V.V. (2014), “‘Negative dialectics’ of art in the novels of Thomas Bernhard”, *Izbrannye Trudy* [Selected Works], 42nd International Philological Conference, St. Petersburg State University, March 11–16, 2013, *Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Saint Petersburg, Russia*, pp. 188–197.
- Kotelevskaya, V.V. (2018), *Tomas Bernkhard i modernistskii metaroman* [Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel], Southern Federal University, Rostov-on-Don, Taganrog, Russia.
- Kurzke, H. (2010), *Thomas Mann Epoche – Werk – Wirkung*, C.H. Beck Verlag, Munich, Germany.
- Mayer, G. (1974), “Zum deutschen Antibilungsroman”, *Jahrbuch der Raabe-Gesellschaft*, no. 15, SS. 41–64.
- Watroba, K. (2021), “Reluctant Readers on Mann's Magic Mountain (Ida Herz Lecture 2020)”, *Publications of the English Goethe Society*, vol. 90, no. 2, pp. 146–162.
- Zherebin, A.I. (2011), *Vertikal'naya liniya. Venskii modern v smyslovom prostranstve russkoi kul'tury* [Vertical Line. The Viennese Modern in the Semantic Space of Russian Culture], Novikov, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий А. Беляков, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; d.belyakov@linguanet.ru

Information about the author

Dmitry A. Belyakov, Cand. of Sci. (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034; d.belyakov@linguanet.ru